

ГЛАВА XII

«НАСТУПИЛ ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАД ГЕРМАНИЕЙ»

12 апреля 1945 г. скончался Франклин Делано Рузвельт. На плечи этого выдающегося государственного деятеля легли заботы и тяготы, которые могли сломить человека и с богатырским здоровьем, а он, как известно, был поражен тяжелым недугом. 12 лет его президентства пришлись на тяжелейший период истории США — мировой экономической кризис 1929—1933 годов, всей своей тяжестью обрушившийся на Соединенные Штаты, и участие во Второй мировой войне.

По своей натуре это был государственный деятель-новатор. В годы кризиса Рузвельт провозгласил и эффективно провел в жизнь «новый курс», при реализации которого не побоялся обвинений оппозиции в «ползучем социализме» и пошел на серьезные изменения в социально-экономической политике страны. Курс Рузвельта был действительно «новый», позволивший успешно решить многие кризисные проблемы.

Новаторство Рузвельта проявилось и в том, что, вопреки ожесточенному сопротивлению консервативных кругов, он добился в 1933 году установления дипломатических отношений с СССР.

Подлинно новаторским был внешнеполитический курс Рузвельта в условиях Второй мировой войны. Президент раньше, чем кто-либо другой в США, увидел смертельную опасность, которая угрожала Соединенным Штатам от стран оси, и, преодолев упорное сопротивление изоляционистов, еще до вступления США в войну, начал оказывать большую военную, экономическую и финансовую помощь странам — жертвам агрессии — Англии, Китаю, Советскому Союзу.

Исключительно велики были заслуги Рузвельта в установлении прочных союзнических отношений с СССР в годы совместной борьбы

против общего врага. 13 апреля 1945 г. в телеграмме на имя Гарри Трумэна, ставшего президентом США после смерти Рузвельта, Сталин писал: «Американский народ и Объединенные Нации потеряли в лице Франклина Рузвельта величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после войны»¹.

Смерть Рузвельта была тяжелым испытанием для антигитлеровской коалиции. Доживавший последние дни фашистский рейх воспрянул духом, надеясь на то, что кончина президента США внесет растерянность и раскол в ряды Большой тройки, а следовательно, и всей антигитлеровской коалиции. Руководители Германии рассчитывали на то, что кончина президента США активизирует в союзных странах силы, которые готовы были пойти на значительную ревизию внешнеполитического курса антигитлеровской коалиции.

В этих условиях возникала необходимость осуществления новых мер, направленных на укрепление союза Большой тройки, всей коалиции союзных держав.

И не случайно в телеграмме соболезнования Трумэну Сталин выражал «уверенность, что политика сотрудничества между великими державами, взявшими на себя основное бремя войны против общего врага, будет укрепляться и впредь»².

Смерть Рузвельта оказалась серьезным испытанием и для сотрудничества общественности СССР и союзных стран. И до этого было немало проблем в этих отношениях, но после прихода в высший эшелон власти президента Гарри Трумэна, придерживавшегося консервативных внешнеполитических взглядов по сравнению со своим предшественником, отношения между общественными организациями СССР и союзных стран столкнулись с новыми серьезными проблемами.

Связи между государствами по линии общественных организаций во многом определяются отношениями, которые существуют между этими странами на официальном уровне. Пришлось ждать совсем немного, чтобы почувствовать, что с приходом в Белый дом преемника Рузвельта наступила новая, не лучшая эпоха в советско-американских отношениях и в отношениях СССР с другими союзными странами.

Негативное влияние прихода Трумэна к власти на отношения СССР с государствами, входившими в антигитлеровскую коалицию, было естественно. Оно объяснялось тем, что Соединенные Штаты играли решающую роль в политике всех западных стран — участниц антигитлеровской коалиции.

Водворение Трумэна в Белом доме оказало незамедлительное и очень негативное воздействие на взаимоотношения внутри Боль-

шой тройки. И это тоже было естественно, так как Рузвельт выступал в роли своеобразного буфера, постоянно амортизировавшего обострение отношений между Сталиным и Черчиллем. Трумэн же с первого дня своего президентства в рамках Большой тройки сразу же занял позицию на ее крайне антисоветском фланге.

Перегруппировка сил, происшедшая внутри Большой тройки, сразу же породила новое обострение отношений между Сталиным и его партнерами по антигитлеровской коалиции.

Эти негативные факторы субъективного характера накладывались на объективное обострение отношений между СССР и его союзниками, имевшее место и при Рузвельте. По мере приближения конца войны ухудшались отношения между Сталиным и его партнерами по Большой тройке в связи с политическим курсом, который Советский Союз проводил в странах Восточной и Центральной Европы. Все более обострялись отношения и по самой главной проблеме — какую политику проводить по отношению к Германии, крушение которой стремительно приближалось.

Три месяца разделяли Крымскую конференцию от Дня победы. И естественно, что все события на фронтах Второй мировой войны развивались под знаком исключительно важных решений, принятых на этой Конференции.

Дэвид Эйзенхауэр писал, что на Ялтинской конференции положение ее участников определялось тем, кто и сколько одержал побед к этому времени, кто принес больше жертв в совместной борьбе, кто мог внести большой вклад в восстановление всего, что было разрушено войной. Он отмечал, что к февралю 1945 г. «промышленное производство США достигло беспрецедентного уровня, действительно несравнимого с любой другой страной». Открытие второго фронта приближало окончание войны и «рельефно очертило решающую роль Америки в войне». Англия воевала дольше, чем кто-либо другой, и была очень заинтересована в ее окончании, но она израсходовала свои экономические и политические ресурсы. «Советские ресурсы потенциально были огромны, людские потери России и ее военный вклад были решающими, и в силу этого Сталин доминировал на Конференции»³.

Расстановка политических сил на Ялтинской конференции, как указывалось выше, зачастую была не в пользу Черчилля. Несмотря на идеологическое и политическое противостояние, Рузвельт и Сталин проявляли друг к другу определенную симпатию и нередко находили взаимопонимание по сложнейшим проблемам: «Рузвельт... пришел к заключению, что он найдет взаимопонимание со старым Джо и сможет приручить русского медведя»⁴.

Суть политических планов Черчилля была очевидна. На протяжении всей войны он всемерно затягивал открытие второго фронта. А когда оставались считанные недели до ее окончания, Черчилль делал все возможное, чтобы захватить более выгодные исходные рубежи для ведения в будущем холодной войны, духовным отцом которой он по праву считается. Английский премьер стремился продвинуть позиции союзников как можно дальше на Восток. Он заявил Эйзенхауэру: «Я полагаю, что исключительно важно, чтобы мы обменялись рукопожатием с русскими как можно дальше на Востоке»⁵.

Британский премьер-министр достаточно болезненно реагировал на то, что и до Крымской конференции, и в Ялте, и после встречи в Крыму отношения между Сталиным и Рузвельтом в целом развивались по восходящей линии. Рузвельт не считал нужным скрывать это от своего английского союзника. Еще 18 марта 1942 г. он сообщал Черчиллю: «Я знаю, что Вы не будете возражать против моей грубой откровенности, если сообщу Вам, что, как я думаю, я лично могу столкнуться со Сталиным лучше, чем ваше министерство иностранных дел или мой государственный департамент. Сталин не выносит надменности ваших высших руководителей. Он исходит из того, что я ему нравлюсь больше, и я надеюсь, что он будет продолжать так думать».

Было бы неправильным считать, что только Черчилль всемерно ратовал за принятие любых мер, чтобы помешать советскому союзнику прорваться в Восточную и Западную Европу в ходе разгрома Германии и продвинуть социалистические аванпосты как можно дальше на Запад.

В принципе английская и американская позиция в этом вопросе были однозначны. Еще в сентябре 1944 г. на второй Квебекской конференции в беседе с австрийским эрцгерцогом Отто Рузвельт прямо заявил: «Наша главная забота состоит в том, как не пустить коммунистов в Венгрию и Австрию»⁶.

Авторы вступительной главы к одному из разделов «Секретной переписки Рузвельта и Черчилля в период войны» обоснованно писали, что политика Черчилля определялась тем, что продвижение Красной Армии «могло дать русским возможность навязать коммунистические правительства многим странам Восточной Европы, чему он стал бы упорно сопротивляться»⁷.

Сталин уверял Рузвельта и Черчилля, своих партнеров по антифашистской коалиции, что он не намерен насаждать коммунистические порядки в странах Европы. Например, встречаясь в августе 1944 г. с премьер-министром польского правительства в эмигра-

ции Миколайчиком, Сталин в ответ на его замечание, что есть информация о намерении СССР навязать Германии после войны коммунизм, «ответил, что коммунизм подходит Германии, “как короле седло”»⁸.

Заверениям советского лидера, что он будет политически нейтрален в европейских странах, в которые придет Красная Армия, мало кто верил в Лондоне и Вашингтоне. Бесспорно, что в конце войны каждый из союзников хотел занять в Европе максимально удобные стратегические позиции.

Такой американский авторитет в вопросах внешней политики, как Генри Киссинджер, писал: «К концу войны настойчиво, но тщетно он (Черчилль. — *Р.И.*) умолял Эйзенхауэра брать Берлин, Прагу и Вену». Киссинджер подчеркивал, что Черчилль руководствовался не военными, а чисто политическими соображениями, необходимостью «пребывания там для ограничения послевоенного влияния Советского Союза»⁹.

Черчилль был уверен, что Берлин должны брать западные союзники, причем не американцы, а англичане. Американский генерал Омар Брэдли вспоминал в своих мемуарах, что Черчилль был «страшно разочарован и расстроен тем, что штаб союзников не усилил Монтгомери американскими войсками и не дал ему двинуться на Берлин, чтобы сделать отчаянную попытку захватить город раньше русских»¹⁰. Политические расчеты, скрывавшиеся за этим требованием, были очевидны. Эйзенхауэр писал в своих мемуарах, что решительное требование английского премьер-министра «опередить появление русских в Берлине, должно быть, основывалось на убеждении, что позднее западные союзники извлекут из этого обстоятельства огромные преимущества и смогут воздействовать на последующие события»¹¹.

Вопрос о Берлине стал важной проблемой финала войны. На Западе и помимо Черчилля было немало военных и политических стратегов, которые считали, что западные союзники должны были «опередить русских» и взять Берлин своими силами. Однако трезвомыслящие военные и политические руководители справедливо полагали, что западным союзникам необходимо было в первую очередь иметь реальные возможности для взятия столицы Германии. По их мнению, даже с учетом того, что на ряде участков фронта немцы не оказывали серьезного сопротивления англо-американским войскам, этих сил было явно недостаточно, чтобы осуществить операцию по взятию Берлина. Советские войска были несравненно ближе к Берлину и многократно превосходили союзнические вооруженные силы.

Позиция Эйзенхауэра в вопросе о штурме Берлина была более реалистичной, чем у других представителей англо-американского генералитета. Он учитывал сложившуюся военную обстановку, понимал, что наступление непосредственно на Берлин вызовет большие потери среди подчиненных ему войск. А главное, западные союзники не располагали реальными силами для штурма Берлина. Эйзенхауэр также прекрасно понимал, что штурм Берлина англо-американскими войсками приведет к серьезному обострению отношений западных союзников с СССР.

Вопрос о том, кому брать Берлин, обсуждался и во время встречи Сталина с Теддером. Подводя итоги беседы Теддера со Сталиным по этому вопросу, Дэвид Эйзенхауэр пишет: «Берлин был советской целью, и целью отнюдь не второстепенной, — это был вопрос, не подлежащий какому-либо рассмотрению»¹².

В конце марта 1945 г. Эйзенхауэр подписал новый план военных операций, в котором ничего не было сказано о Берлине. «Это было примечательно, потому что шесть месяцев назад, 15 сентября, Эйзенхауэр недвусмысленно говорил о важности столицы Гитлера. Он писал тогда: “Ясно, что Берлин — главный приз. Эйзенхауэр потерял интерес к этому призу, достигнув его”»¹³.

Главнокомандующий даже заключил пари, поставил 10 долл. против 30, утверждая, что к 31 марта русские будут в Берлине. Пари он проиграл и честно оплатил свой проигрыш.

Завершение разгрома вооруженных сил фашистской Германии предполагалось осуществить совместно с западными союзниками, принципиальная договоренность с которыми по координации действий была достигнута на Крымской конференции. План наступления на Западном фронте был изложен в послании Эйзенхауэра Верховному Главнокомандующему советскими вооруженными силами от 28 марта 1945 г. В ответном послании от 1 апреля И.В. Сталин писал: «Ваш план рассечения немецких сил путем соединения советских войск с Вашими войсками вполне совпадает с планом советского главнокомандования»¹⁴. Сталин отмечал, что Берлин утратил прежнее стратегическое значение и город будет взят второстепенными силами Красной Армии. Далее он информировал союзное командование об ориентировочном сроке начала Берлинской операции.

В книге У. Спара и Н. Яковлева по поводу уверений Сталина, что Берлин потерял свое стратегическое значение, говорится: «Критерий искренности Сталина — из 24 общевойсковых и танковых армий, предназначенных для участия в Берлинской операции, только 2 общевойсковые направлялись на Дрезден. Отправив лукавое

послание Эйзенхауэру (впрочем, Сталин щедро расплатился с союзниками их же монетой), он обратился к главному — ускорить взятие Берлина»¹⁵.

Послание Эйзенхауэра Сталину прибыло в Москву в период, когда становились все более очевидными попытки руководителей фашистской Германии расколоть единый фронт союзников.

Маршал Г.К. Жуков в связи с посланием Эйзенхауэра Сталину писал в своих мемуарах: «И.В. Сталин знал, что гитлеровское руководство за последнее время развило активную деятельность в поисках сепаратных соглашений с английским и американским правительствами. Учитывая безнадежное положение германских войск, можно было ожидать, что гитлеровцы прекратят сопротивление на западе и откроют американским и английским войскам дорогу на Берлин, чтобы не сдать его Красной Армии»¹⁶.

Сталин высказывал определенные опасения относительно того, что гитлеровские руководители могли сдать Берлин западным союзникам без боя. «Думаю, — говорил Сталин, — Рузвельт не нарушит ялтинской договоренности, но вот Черчилль, этот может пойти на все»¹⁷.

21 апреля 1945 г. Эйзенхауэр обратился с новым посланием к Советскому Верховному Главнокомандованию. Очевидно, принимая во внимание резкие протесты Черчилля и других консервативных деятелей, связанные с его первым посланием Сталину, Эйзенхауэр в этом письме не упоминал имени Главнокомандующего Красной Армией. Он информировал Сталина, что принял решение остановиться на Эльбе, и уточнял детали, связанные с расположением американских войск.

Советский Союз требовал ухода западных союзников из советской зоны оккупации Германии. Специальный представитель президента США Г. Гопкинс сообщал о решительной позиции советского Верховного Главнокомандующего в этом вопросе: «Сталин не примет участия во встрече на высшем уровне, пока союзники не покинут советскую зону (оккупации Германии.— *Р.И.*)»¹⁸.

После форсирования в начале марта 1945 г. Рейна война для союзных армий, возглавляемых Эйзенхауэром, фактически закончилась. Вернее, это было новое, своеобразное издание «странной войны» 1940 г. На этот раз «странный» характер войны заключался в том, что немецко-фашистские войска сотнями тысяч без боя сдавались англо-американским войскам, но с отчаянием обреченных сражались на Востоке. Показательно, что только с 1 по 18 апреля союзники взяли в плен 317 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе 24 генерала¹⁹.

В книге американского историка У. Спара и отечественного историка Н. Яковлева «Полководец Г.К. Жуков: взлет и падение» приводится послание Сталина Эйзенхауэру от 3 апреля 1945 г., в котором говорится, что «немцы на Западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки», что немецкое командование согласилось «открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска».

Рузвельт отреагировал на это заявление крайне болезненно, он отверг обвинения Сталина, выразив «крайнее негодование в связи с таким гнусным неправильным описанием моих действий или действий моих подчиненных».

У. Спар и Н. Яковлев подчеркивают, что в книге американского исследователя А. Брауна «Последний герой» (1982) об «отце ЦРУ», генерале Доноване, процитированы приведенные слова Сталина и сказано: Сталин «был очень близок к истине»²⁰.

Смерть Рузвельта — руководителя великой державы с огромными полномочиями, Главнокомандующего вооруженными силами страны, которая играла столь большую роль во Второй мировой войне, вызвала серьезное беспокойство во всех странах — участницах антигитлеровской коалиции.

Закономерно возникал вопрос: будет ли продолжена политика Рузвельта в отношениях с союзниками, в первую очередь с СССР, или надо ожидать новых подходов к этим проблемам в самый ответственный, завершающий период войны? Сумеет ли новый президент США найти общий язык с таким непростым партнером по Большой тройке, как Сталин, или надо ожидать резкого противостояния и на этом высшем уровне?

Такие настроения убедительно отразил Уолтер Липпман, статья которого, посвященная смерти Рузвельта, была перепечатана многими американскими газетами, в том числе и канзасскими. Липпман писал: «Страна встретила весть о кончине Рузвельта с глубокой скорбью, но без уныния. Бесспорно, он хотел именно этого. Любой лидер тогда доказывает правоту своих действий, когда он оставляет в других убежденность и желание продолжить его дело». Если этого не происходит, то, значит, лидер «был великим только для своего времени, как эффективное мгновение, напоминающее комету, которая не приводит к каким-либо последствиям».

Отклики на кончину Рузвельта представляют несомненный интерес в связи с тем, что пройдет не столь много времени в масштабах истории и уйдет из жизни Сталин. Известно, какая была реакция на смерть советского руководителя в нашей стране и за рубе-

жом. Показательно сравнить эту реакцию с позицией американской и международной общественности в связи с кончиной президента Рузвельта.

В указанной статье Липпмана говорилось, что американцы особенно остро воспринимают потери выдающихся лидеров, так как на примере президентов Линкольна и Вильсона они имели возможность убедиться, что великие дела, связанные с деятельностью таких выдающихся руководителей, после их смерти были преданы забвению сменившими их политическими пигмеями. «Мудрый, но опечаленный человек, — писал Липпман, — сказал: “Трагедия войн в том, что мир заключают оставшиеся в живых”».

В статье старейшины американской журналистики звучала определенная тревога, что история повторяется, что мир будет заключать не великий лидер, а политический карлик, занявший его место, и это может иметь непоправимые трагические последствия.

Однако заканчивалась статья на достаточно оптимистической ноте: «Гений подлинного лидера проявляется в том, что он оставляет после себя ситуацию, в которой достаточно иметь здравый смысл, а не гениального руководителя, чтобы успешно действовать. Именно в этом политическая гениальность Рузвельта: он знал, каковы были в его время вопросы, требовавшие ответа, хотя сам он отнюдь не всегда мог дать на них полный ответ. Именно поэтому наш народ и мир предпочли его тем, кто не понимал, каковы были настоящие проблемы.

Именно в этом секрет симпатии к нему со стороны всего человечества, которая никогда не иссякнет, и объяснение, почему прощались допускаемые им ошибки»²¹.

В связи со смертью Рузвельта и оценкой этого события У. Липпманом напрашивается определенная историческая параллель.

После смерти Сталина к руководству в СССР тоже пришли «политические пигмеи», которые всего за несколько десятилетий умудрились размотать весь политический, экономический, военный потенциал Советского Союза, созданный при Сталине. Финал этой политики известен — уничтожение СССР руками самих советских руководителей.

Трагедия Советского Союза в послесталинский период его существования была в том, что за годы правления Сталина не были заложены основы народного управления, демократической общественно-политической жизни страны. В этих условиях, получив огромную, фактически бесконтрольную власть, советские лидеры, начиная от Хрущева и кончая Горбачевым, не смогли использовать ее в интересах государства, которым они руководили.

В этом была и личная трагедия советских руководителей. Известно, что и Хрущев, и Горбачев потеряли свою власть и ушли в политическое небытие.

По иному сценарию развивались события в США и в Великобритании. Можно за многое критиковать эти страны. Однако бесспорно, что в них был заложен мощный демократический потенциал и в сфере государственного управления, и в общественно-политической жизни.

Когда скончался Рузвельт, через три месяца ушел в отставку Черчилль, на смену им в США и Великобритании пришли руководители несравненно более мелкого государственного и политического калибра.

Однако и в этих условиях демократические основы американской и английской жизни позволили руководству этих стран успешно проводить политику, соответствовавшую их государственным интересам.

Россия повторяет сегодня трагический путь, пройденный Советским Союзом в послесталинский период.

В свое время Н.С. Хрущев без ложной скромности провозгласил свое правление «Великим десятилетием». Мягко выражаясь, отнюдь не все в стране разделяли эту точку зрения. Хорошо помню, как на партийном собрании Института истории Академии наук СССР, где я работал, два доктора наук — ветераны Великой Отечественной войны — с чисто научной точки зрения, но выступили против подобной периодизации истории СССР.

Закончилось правление Б.Н. Ельцина. К сожалению, это было отнюдь не «великое десятилетие». После «реформ», проводившихся под его руководством, остались экономические руины некогда великой державы со всеми их тяжелейшими социальными, общественными, политическими и морально-психологическими последствиями.

После отставки Ельцина — (он повторил трагический государственный и политический путь Хрущева и Горбачева) Клинтон, Блейер, Ширак, Шредер — все руководители западных стран как по команде заявили, что Ельцин заложил основы демократии в России, которая благодаря этому вошла в сообщество «цивилизованных стран».

России нет необходимости входить в это сообщество. Советский Союз сделал это 55 лет назад, внося под руководством Сталина решающий вклад в разгром фашизма, угрожавшего существованию цивилизованного человечества.

Что же касается того, что руководители Запада превозносят деятельность Ельцина на ниве демократизации России, то достаточ-

но вспомнить октябрь 1993 г., когда по его приказу был расстрелян из танковых орудий парламент страны.

Руководители стран Запада поют дифирамбы ельциновской «демократии» только потому, что его экономический, военный, дипломатический курс соответствовал в первую очередь интересам этих стран, а не России.

В послеельциновский период история России возвращается на круги своя. В стране нет демократических традиций (право критиковать власть имущих — это еще не демократия). И снова надежды связывались с тем, кто выигрывает главный приз — победит на президентских выборах.

Подобные надежды — слабое утешение. В канун прихода Ельцина к власти тоже были большие надежды на лучшую жизнь. От них осталось только горькое разочарование.

Местная печать США, отражая настроения американской глубинки, высказывалась более определенно в отношении последствий смерти Рузвельта. 13 апреля 1945 г. канзасская газета в редакционной статье «Потеря великого лидера» отмечала: «Смерть президента Рузвельта вызвала тяжелейший шок у всех американцев, у всего цивилизованного мира». Указав, что президент скончался в канун победы, перед началом работы Учредительной конференции Объединенных Наций, которой предстояло сказать столь веское слово по вопросам международной безопасности, газета подчеркивала: «Огромная ответственность легла на человека, неожиданно призванного к исполнению высокой должности Президента Соединенных Штатов».

Очевидно, уважение к памяти президента страны и условия военного времени помешали канзасской газете высказаться более определенно по вопросу о политическом и моральном потенциале нового президента. Во всяком случае в октябре 1944 г. та же газета опубликовала совсем не лестную оценку дарований Гарри Трумэна, выдвинутого демократической партией на пост вице-президента США. Речь шла тогда о том, что Трумэн окажется «еще одним Кэлом Кулиджем, если он как преемник Гардинга будет неожиданно катапультирован в Белый дом».

Газета отмечала: «Кандидат демократов в вице-президенты — продукт режима Пендергаста в Канзас-Сити и Миссури»²². Газета, издававшаяся в Канзас-Сити, имела все основания дать столь жесткую характеристику избраннику демократической партии, зная в деталях многолетние прочные связи Пендергаста с мафией и горячие симпатии этого мафиозного босса к Трумэну, обязанному всей своей политической карьерой Пендергасту. Гримаса истории при-

вела в движение именно тот ход развития событий, который предвиделся в публикации канзасской газеты.

История не имеет сослагательного наклонения, и беспредметно строить предположения, какова была бы политика президента Рузвельта, доживи он до разгрома фашистской Германии. Однако бесспорно то, что Гарри Трумэн ни в коей мере не был лидером такого политического масштаба, как Рузвельт, и если бы он и имел желание продолжить курс своего предшественника во внешней политике, он не смог бы этого сделать столь успешно и эффективно.

Смерть Рузвельта вызвала тревогу, серьезные опасения у Черчилля. Премьер-министр писал, что «Рузвельт умер в самый кульминационный период войны, в момент, когда его авторитет был крайне необходим для того, чтобы направлять политику Соединенных Штатов. Когда я... получил известие о его смерти, я почувствовал себя так, словно мне нанесли физический удар»²³.

Трудно было дать всестороннюю и объективную оценку жизни и деятельности президента Рузвельта вскоре после его кончины. Канзасская газета писала сразу же после смерти президента: «Только по прошествии нескольких лет, когда наступит не столь бурное время, возникнут возможности для справедливой оценки характера достижений Франклина Рузвельта в наиболее насыщенный событиями период истории США и всего мира». Газета сравнивала годы правления Рузвельта «с периодом становления республики... и бурными годами Гражданской войны». В статье подчеркивалось, что решать «проблемы этого важнейшего периода (Второй мировой войны. — *Р.И.*) могла только редкая, гениальная личность».

Отмечая величайший вклад Рузвельта в решение проблем, порожденных войной, газета подчеркивала, что президент смог установить хорошие «личные отношения с двумя другими великими лидерами мира — премьер-министром Черчиллем и маршалом Сталиным... содействовал ведению войны к победоносному концу и созданию организации, ведающей системой международной безопасности»²⁴.

Трумэн принял бразды правления в Белом доме в условиях, когда его предшественник создал хороший политический задел, внося большой личный вклад в успешное завершение работы Крымской конференции.

О бесспорно положительном воздействии этой Конференции на американскую общественность в вопросе об ее отношении к Советскому Союзу свидетельствовали опросы Гэллопа. Опрос, проведенный 10 марта 1945 г., показал, что самое большое число американцев за все время войны ответило утвердительно на вопрос,

считают ли они возможным положиться на то, что после окончания войны Россия будет сотрудничать с США. В марте 1942 г. только 39 процентов опрошенных ответили утвердительно на этот вопрос, в ноябре 1943 г. — 47 процентов. С небольшими вариациями таков же был результат опроса в декабре 1944 г. При опросе, проведенном в марте 1945 г., соответствующая цифра возросла до 55%. Это означало, что число взрослых американцев, веривших в сотрудничество с Россией, за период с декабря 1944 по март 1945 г. увеличилось почти на 6 млн человек²⁵.

Однако за три неполных месяца, прошедших после завершения работы Крымской конференции и до капитуляции Германии, отношение к СССР со стороны американской общественности заметно ухудшилось, такая же реакция была в Англии и в других союзных странах.

В значительной мере это было вызвано обострением отношений СССР с Англией и США из-за польского вопроса, из-за политики СССР в восточноевропейских странах в целом.

Масла в огонь подливали некоторые популярные обозреватели и политические деятели. Так, например, известный американский политический деятель социалист Норман Томас, выступая 10 марта по национальному радио, предупреждал, что Россия «может распространить свое господство от Токио до Дакара...» Три недели спустя руководитель католиков Эдмунд Уолш заявил в Нью-Йорке: «Великие державы с сожалением выяснили, что Титан степей по-прежнему расценивает капиталистический мир как своего смертельного врага»²⁶.

К мнению популярных обозревателей особенно прислушиваются в Соединенных Штатах, где они имеют большое влияние на общественность. Вот почему «Открытое письмо Сталину», опубликованное Дрю Пирсоном 7 апреля 1945 г. в газете «Вашингтон пост», получило большой резонанс в США и за рубежом.

Пирсон писал, что на протяжении прошедших двух лет исчезли многие старые антисоветские подозрения и большое число американцев охотно сотрудничали с Советским Союзом. Однако за последние две недели эти дружеские чувства к России резко ослабели. Причиной этого явилось «общее впечатление, что обещания, принятые в Ялте, не выполняются и права малых народов попираются... американский народ хочет знать, действительно ли Россия искренне стремится к установлению мира после войны, или появится мир, в котором доминировать будет она».

Резкая критика внешнеполитических акций России в средствах массовой информации, в выступлениях политических и государ-

ственных деятелей оказала негативное воздействие на значительную часть населения союзных стран с точки зрения их отношения к Советскому Союзу.

О соответствующей реакции общественности США свидетельствовали опросы общественного мнения. Сравнительный анализ настроений американцев, проведенный Гэллапом в конце февраля и в середине мая 1945 г., показал, что число граждан, веривших в готовность России сотрудничать с США после окончания войны, за это короткое время сократилось с 55 до 45 процентов²⁷.

Опрос общественного мнения показал также, что в январе 1945 г. большинство опрошенных американцев считали, что Англия виновата в том, что есть серьезные проблемы в отношениях между Россией, США и Англией. В мае большинство опрошенных уже считали, что вина в противоречиях Большой тройки лежит на Советском Союзе. Число не удовлетворенных тем, как развивались отношения между участниками Большой тройки, подскочило за период с января по май с 15 до 33 процентов.

Сталин и Советский Союз рассматривались в странах — участницах антигитлеровской коалиции как единое целое. И естественно, что изменение к худшему отношения общественности этих стран к СССР целиком и полностью проектировалось и на советского руководителя.

Показателем серьезных изменений в настроениях американцев, отражавшихся в позиции средств массовой информации, являлось то, что росло число известных обозревателей, газет и журналов, которые требовали новой встречи Большой тройки, с тем, чтобы отменить решения Крымской конференции.

С такими предложениями выступили Дэвид Лоуренс, Сесиль Браун, «Филадельфия иквирер», «Нью-Йорк таймс».

Польская проблема внесла серьезные коррективы в позицию значительной части руководителей и общественности союзных стран с точки зрения их отношения к Советскому Союзу. Это находило свое выражение в позиции прессы. Так, газета «Трентон тайм», обычно выступавшая в поддержку СССР, 25 апреля 1945 года опубликовала редакционную статью, в которой говорилось, что «Россия, несомненно, полна решимости создать в Варшаве правительство, раболепствующее перед Москвой, и установить статус Польши как вассала Советского Союза»²⁸.

Настроения консервативной прессы союзных стран в вопросе о положении в Польше, о советской политике по отношению к этой стране перекликались с официальной позицией внешнеполитических ведомств стран-участниц антигитлеровской коалиции.

Так, посол США в СССР Аверрел Гарриман бапреля 1945 г. в телеграмме госсекретарю констатировал, что «Сталин и Молотов пришли в Ялте к выводу, что мы понимаем и готовы принять уже известную нам советскую политику. Это выразилось в нашей готовности поддержать декларацию о Польше и освобожденной Европе, признании нами необходимости для Красной Армии создать в своем тылу зону безопасности и особую заинтересованность России в Польше как в добром соседе...»

Гарриман отмечал, что в своих практических делах в Европе Советский Союз отходит от совместно выработанной в Ялте политики. «Во всяком случае, — телеграфировал посол в Вашингтон, — вне зависимости от того, что советское руководство имело в виду в Ялте, похоже, сейчас оно считает, что можно принудить нас молча согласиться с их политикой». По мнению Гарримана, в ряду таких действий следует рассматривать «решение не посылать Молотова на Конференцию в Сан-Франциско. Они полностью осознают важность нашей роли на этой Конференции».

Гарриман акцентировал внимание на обострении отношений с СССР: «Я убежден в том, что Советы рассматривают как свидетельство слабости наше постоянное великодушие и уступчивость по отношению к ним, проявляемые, несмотря на советское пренебрежение к нашим просьбам о сотрудничестве в вопросах, представляющих интерес для нас».

Гарриман пытался объяснить причины соответствующего поведения советской стороны: «Мы признаем, — сообщал посол США, — что для Советов характерна глубоко укоренившаяся подозрительность ко всем иностранцам, включая и нас. В наших отношениях с теми, кто относится к нам с подозрением, мы проявляем добрую волю, великодушие и здравомыслие. Мы честно пытаемся проводить такую политику, но она не дает результата. Подобный курс больше увеличивает, а не ослабляет их подозрительность. Они деструктивно относятся к нашим действиям».

Гарриман предлагал «проводить по отношению к СССР политику, которая включает, с одной стороны, готовность к полному сотрудничеству в любое время, но с другой — решимость двигаться вперед без них, если мы не можем принять их сотрудничества». Посол считал необходимым в одном-двух случаях занять жесткую позицию и тем самым показать СССР, что США не будут идти прежним путем и это нанесет ущерб советским интересам²⁹.

Посол США в СССР явно идеализировал американскую политику в отношении Советского Союза, когда указывал на «постоянное великодушие и уступчивость» Соединенных Штатов сво-

ему советскому союзнику, на их «добрую волю, великодушные и здравомыслие».

Были объективные причины обострения отношений между США и СССР, между Сталиным и новым американским президентом. Эти причины заключались в том, что две главные державы анти-гитлеровской коалиции в силу своих государственных и политических разногласий имели прямо противоположные взгляды на послевоенное устройство мира. А к концу войны эти проблемы вышли на мировую политическую авансцену.

Субъективный фактор обострения советско-американских отношений заключался в том, что Трумэн по сравнению с Рузвельтом придерживался резко выраженного антисоветского курса. Проводить по отношению к Сталину такую политику было совершенно бесперспективно.

Она могла и действительно привела только к одному результату — обострение старых и появление новых проблем в отношениях между СССР и США, между Сталиным и Трумэном.

Государственный департамент, так же как и посол Гарриман, рассматривал польскую проблему как важнейшую причину обострения советско-американских отношений. 14 апреля 1945 г. госсекретарь телеграфировал в Москву Гарриману: «Мы считаем, что было бы особенно желательно, чтобы вы подчеркнули Сталину, если вам удастся встретиться с ним... что проблема, разделявшая наши страны и столь беспокоившая президента Рузвельта перед его смертью, обострилась и далека от того, чтобы ее можно было решить путем переговоров с Польшей». В заключение телеграммы руководитель внешнеполитического ведомства США подчеркивал, что «польская проблема остается наиболее опасной в наших отношениях с Советским Союзом»³⁰.

Ссылка госсекретаря на Рузвельта в данном случае звучала некорректно, так как покойный президент находил возможность компромисса со Сталиным и по польской, и по другим спорным проблемам.

Известный американский журналист Теодор Альфорд опубликовал статью, в которой поставил смертельный диагноз доктрине Монро после создания ООН. Журналист имел в виду, что если раньше по доктрине Монро США сами решали, где в Латинской Америке, кому, когда и как оказывать помощь, то теперь все это придется согласовывать с ООН. По мнению Альфорда, создание ООН являлось «приглашением России к господству над малыми странами...»³¹.

Плюрализм мнений всегда был присущ американцам, и хотя в указанный период четко прослеживалось охлаждение в отношениях США с Советским Союзом, в целом ряде случаев отмечалась и

дружественная реакция на советские внешнеполитические решения. Например, «Атланта конститюшн» 11 апреля 1945 г. в редакционной статье отмечала, что «имеются все основания считать, что Россия один из факторов, если не самый мощный, в деле мира во всем мире». 24 апреля «Луис пост-диспетч» призывала «горстку подозрительных американцев покончить с проявлением их неприязни к нашему русскому союзнику»³².

Решения Крымской конференции получили одобрение со стороны широких слоев американцев самой различной политической ориентации. Типичным было письмо Френка Ингрема из Кембриджа, штат Массачусетс, от 1 марта 1945 г. Обращаясь к президенту Рузвельту, он писал, что «жизненно заинтересован в скорейшей победе, в создании сильной международной организации по укреплению мира, безопасности и свободы... полной занятости населения в послевоенных Соединенных Штатах».

Представившись таким образом президенту страны, Френк Ингрем продолжал: «Я хочу от всей души поблагодарить вас за блестящую работу, которую вы проделали в Ялте, встретившись там с премьер-министром Черчиллем и премьером-маршалом Сталиным. Американский народ сегодня счастлив тем, что на фундаменте, заложенном в Тегеране, поднимается солидная конструкция. И параллельно с реализацией этих планов исчезают сомнения и страхи американского народа».

Письмо заканчивалось здравицей в честь Большой тройки: «Вы, три великих человека, являетесь подлинными архитекторами будущего. Вы вместе одновременно представляете главные интересы и своих стран, и всего мира»³³.

Такие письма неопровержимо свидетельствовали о том, что Крымская конференция отразила в своих решениях чаяния и надежды самых широких кругов общественности союзных стран.

Президент Рузвельт получал многочисленные письма от простых американцев, в которых давалась исключительно высокая оценка результатов работы Крымской конференции. В одном из таких писем от 7 марта 1945 г. говорилось: «Реализация планов, которая началась в Ялте, вознаградит народы мира за все их тяжелейшие жертвы, понесенные в этой войне. Ваша сила предвидения, смелость, неукротимый дух являются вдохновением для всех нас, стремящихся к миру». Автор письма высоко оценивал деятельность Рузвельта, направленную на достижение «всеобщего братства и благополучия народов мира». В письме высказывалась уверенность в том, что эта деятельность, «несомненно, достигнет кульминации на встрече в Сан-Франциско 25 апреля»³⁴.

1 марта 1945 г. Джон Гарфильд телеграфировал Рузвельту: «Только что прослушал ваше обращение к нации о результатах Ялтинской конференции и выработанных там планах сохранения мира и безопасности. Мы хотели бы послать наши сердечные приветствия в связи с наступлением мира, который в будущем обретет свою постоянную основу. С особым удовлетворением отмечаем, что мы имеем в вашем лице такого лидера и провидца»³⁵.

Определяя позицию американской общественности в годы войны, надо подчеркнуть, что особое значение имела поддержка, которую президент Рузвельт получал от рабочего класса страны.

2 марта 1945 г. руководитель 4-го округа Объединенного профсоюза рабочих электро-, радио- и машиностроения (КПП) телеграфировал Рузвельту из Нью-Арка, штат Нью-Джерси, что рабочие приветствуют его «речь по радио об итогах Крымской конференции». Профсоюз брал на себя обязательство «интенсифицировать работу, отказаться от забастовок с тем, чтобы обеспечить окончательную победу». В заключение телеграммы выражалась уверенность, что «наша страна выполнит свою задачу по созданию ООН»³⁶.

1 марта 1945 г. аналогичная телеграмма была получена Рузвельтом от рабочих того же профсоюза округа № 6, Питсбург, штат Пенсильвания. 2 марта 1945 г. о поддержке внешнеполитического курса Рузвельта телеграфировал президент совета КПП Сан-Франциско.

Консервативная часть американцев резко осуждала советскую политику в Польше и в других странах Восточной и Центральной Европы. Однако показательно, что практически ни в одном американском издании нельзя было найти информации о том, а что, собственно говоря, происходит в этих странах. Кто там поддерживает Советский Союз? Какова политическая аргументация этих кругов? Какова в них расстановка социально-политических сил?

На протяжении всего периода после завершения работы Крымской конференции и до капитуляции Германии польский вопрос оставался одной из главных проблем в отношениях СССР с союзными странами и продолжал оказывать свое воздействие, в целом негативное, на развитие связей между этими странами, на отношения Сталина с Черчиллем, Рузвельтом, а после его смерти и с Трумэнном.

О том, что польский вопрос стоял в центре внимания Белого дома и всех главных внешнеполитических служб США, свидетельствовал меморандум о встрече, состоявшейся 23 апреля 1945 г. в резиденции президента США, на которой присутствовали президент, госсекретарь, министр обороны, министр ВМС, адмирал Леги, генерал Маршалл, адмирал Кинг, посол Гарриман, генерал Дин, Чарлз Болен.

В меморандуме отмечалось, что СССР пересмотрел свою позицию и Молотов прибыл в США, чтобы принять участие в Учредительной конференции Организации Объединенных Наций. Советский руководитель внешнеполитического ведомства пребывает в хорошем расположении духа. Однако встреча наркома иностранных дел СССР и госсекретаря США «породила большие трудности в польском вопросе... привела в тупик ялтинское соглашение по Польше». Речь шла о формировании нового польского правительства. Причем, как отметил госсекретарь, США рассматривают люблинское правительство как марионеточное. Руководитель внешнеполитического ведомства США «заявил, что министру Молотову дали ясно понять, насколько серьезно правительство Соединенных Штатов рассматривает этот вопрос и насколько общественное доверие будет потрясено нашей неудачей реализовать крымское решение».

Каждый из участников встречи высказал свое мнение по вопросу о том, что Россия нарушает крымские договоренности по польскому вопросу и по освобожденным странам Европы в целом.

Посол Гарриман заявил, что американцы «столкнулись с возможностью реального разрыва с русскими, но он считает, что если поступать соответствующим образом, то можно этого избежать».

Особое значение имело, конечно, мнение президента Трумэна, который сказал, что «не намерен предъявлять ультиматум м-ру Молотову, но хотел бы уточнить отношение к этому вопросу правительства».

Важное значение имела позиция военного министра.

«М-р Стимсон заявил, что он хотел бы знать, как далеко намерена пойти Россия в своей жесткой политике в отношении Польши. Он сказал, что, по его мнению, русские, очевидно, более реалистичны, чем мы в отношении своей безопасности».

Все военные — участники встречи в Белом доме — с солдатской откровенностью и решительностью высказались за жесткую позицию по отношению к СССР в польском вопросе.

«Адмирал Леги заявил, что он покидал Ялту с чувством, что советское правительство не намеревалось разрешить свободному правительству функционировать в Польше, и он был бы удивлен, если бы советское правительство действовало иначе, чем оно поступает. По его мнению, ялтинское соглашение допускает двойное толкование». Адмирал высказался за то, что «есть серьезные основания порвать с русскими...»

Выслушав всех участников совещания, президент Трумэн «заявил, что он удовлетворен тем, что с военной точки зрения нет при-

чин для того, чтобы мы отказались от нашего понимания крымских соглашений, и он попросил госсекретаря подготовить для него: 1) заявление для вручения м-ру Молотову с тем, чтобы связаться с маршалом Сталиным; 2) список замечаний, которые он может устно сделать м-ру Молотову, и 3) проект заявления для прессы»³⁷.

Содержимое изложенного меморандума свидетельствует о том, что в Ялте ни в коей мере не была решена польская проблема. Как показали ближайшие события, Крымская конференция была пусть важным, но только одним из этапов тяжелой борьбы между СССР и его западными союзниками за такое решение польской проблемы, которое каждая из сторон считала справедливым.

И общественность, и внешнеполитическое ведомство США проявляли большой интерес к польской проблеме. Об этом свидетельствовали документы госдепартамента, посольства США в СССР, в которых рассматривались самые различные аспекты этой проблемы.

В частности, своеобразную интерпретацию причин жесткой позиции Сталина в польском вопросе давал Гарриман в послании президенту Трумэну от 8 июня 1945 г.: «Я опасаясь, что Сталин не понимает и никогда полностью не поймет принципиальную суть наших интересов в свободной Польше. Во всех своих поступках он реалист, и для него трудно оценить нашу веру в абстрактные принципы. Ему трудно понять, почему мы, если не преследуем каких-либо более отдаленных целей, хотим вмешиваться в советскую политику в такой стране, как Польша, которую он рассматривает как очень важную для интересов безопасности России»³⁸.

И вновь посол США явно переоценивал демократизм американской внешней политики, которая якобы борется за «абстрактные принципы» демократии, не преследуя при этом никаких практических целей.

Обращает на себя внимание и то, что в донесениях Гарримана после смерти Рузвельта резко усилились критические высказывания в адрес Сталина. С одной стороны, это отражало обострение советско-американских отношений. С другой — посол явно учитывал более резкую позицию нового президента США к советскому руководителю по сравнению с Рузвельтом.

Из донесения в донесение посол США в СССР Гарриман ставил вопрос о советской политике в странах Восточной Европы, о советско-американских отношениях в целом. 8 июня 1945 г. Гарриман в том же послании президенту Трумэну сообщал: «Рузвельт показал, что он полностью не понимал трудности (в отношениях с СССР. — *Р.И.*). В ходе ранних переговоров с Россией он «допускал ошибки». Суть их, по мнению Гарримана, сводилась

к тому, что Рузвельт переоценивал силу и влияние России. Он считал, что «если мы (американцы. — *Р.И.*) не захотим сотрудничать с Советским Союзом на дружественной основе, то СССР настолько силен, что будет решать проблемы самостоятельно»³⁹.

Гарриман призывал Трумэна не повторять этих ошибок. Фирма Гарримана, находившаяся на Уолл-стрит, имела большие экономические интересы в странах Восточной Европы, особенно в химической и угледобывающей промышленности. Очевидно, это оказывало свое воздействие на посла США в СССР при обсуждении проблем, связанных с политикой Советского Союза в этом регионе.

В донесениях Гарримана резали слух и его резко критические оценки политики Рузвельта в отношении СССР в целом, Сталина — в частности. Прошло совсем немного времени после кончины великого президента, одна из важных заслуг которого заключалась в том, что он сумел установить хорошие деловые контакты с таким непростым партнером, как Сталин, и столь резкая критика в адрес Рузвельта была некорректна.

Дипломатия США вернулась к польскому вопросу и на Учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. Когда Молотов прибыл в Сан-Франциско для участия в этой Конференции, он подвергся мощному давлению со стороны нового государственного секретаря США Стеттиниуса и министра иностранных дел Великобритании Идена. Руководители внешнеполитических ведомств США и Великобритании настойчиво требовали от Молотова согласия на решение польского вопроса с учетом требований США и Англии.

Нажим на советского представителя не дал желаемого для англо-американских союзников результата, как писал Иден из Сан-Франциско Черчиллю. 24 апреля Черчилль ответил на письмо своего министра иностранных дел: «Добиваясь... прочной дружбы с русским народом, я вместе с тем уверен, что она может основываться только на признании русскими англо-американской силы. Я с удовольствием отмечаю, что новый президент не позволит Советам запугать себя»⁴⁰.

Письмо Черчилля было классическим проявлением политики с позиции силы: я за дружбу с вами, но только при условии, если вы подчинитесь моей силе. Ясно, что с такой позиции с Советским Союзом и с таким лидером, как Сталин, говорить и действовать было бесполезно.

Те немногие американские газеты и журналы, которые пытались понять советскую позицию в отношении Польши, подчеркивали, что, говоря о польских интересах, нельзя абстрагироваться от проблем безопасности России. «Каспер трибюн-геральд» заявля-

ла: «Тот, кто оспаривает так называемое решение Ялтинской конференции по Польше, должен объяснить, как можно избежать этого решения, если Россия является участником мировой программы сохранения мира. Является фактом, что такая позиция была занята Москвой давно. И если возникали какие-либо возражения, было достаточно времени для протеста».

Известный журналист-международник Эдгар Маурер, отвечая одному из своих корреспондентов, писал, характеризуя положение с польской проблемой в конце войны, что «для СССР необходимо иметь дружественного польского соседа, если он хочет избежать то, что дважды случилось при жизни одного поколения, — вторжение Германии через Польшу в Россию»⁴¹.

Высказывания за и против Советского Союза, многочисленные аргументы с критикой советского внешнеполитического курса, лично Сталина, значительно реже попытки понять и объяснить этот курс — все подобные выступления средств массовой информации, бесспорно, оказывали свое воздействие на отношение широких масс союзных стран к СССР и его руководителю.

На завершающем этапе войны становилось все более очевидным развитие центробежных сил внутри антигитлеровской коалиции. Шел процесс быстрого оформления блока США — Англия, направленного против Советского Союза. Главная причина развития этой тенденции в лагере союзников заключалась в принципиальной несовместимости советского режима с «западной демократией». Пока шли тяжелые бои с Германией, в ходе которых, неся огромные потери, Красная Армия оттягивала на себя и перемалывала в кровопролитных сражениях лучшие кадровые дивизии вермахта, союзники в целом относились лояльно к своему советскому партнеру по антигитлеровской коалиции.

К концу войны необходимость в таком сложном союзнике, как СССР, отпадала, что вело и к соответствующему пересмотру политического курса по отношению к нему. Это казалось тем более необходимым, что наступающие советские армии широко развернутым фронтом ворвались в Восточную Европу, освобождали одну за другой страны этого региона и ни в коей мере не проявляли желания особенно прислушиваться к советам США и Англии, какую вести здесь политику и какой устанавливать режим. Впрочем, и союзники, освободив Италию и начав освобождение Франции и других оккупированных стран Западной Европы, отнюдь не спешили за консультациями в Москву и тем более лично к Сталину по поводу решения в этих странах важнейших проблем.

Представляется, что росту отчуждения между Советским Союзом и его западными союзниками, между Сталиным и его партнерами по Большой тройке способствовало и то, что дело близилось к окончательному слому оси Рим — Берлин — Токио. Полный военный разгром Германии и Японии серьезно нарушил геополитическое равновесие в мире. Особенно если учесть, что Советский Союз, несмотря на огромные потери, выходил из войны победителем, с резко возросшим морально-политическим авторитетом, как страна, внесшая особенно большой вклад в разгром фашистской Германии, как освободительница народов Европы от фашистского порабощения.

Этот морально-политический авторитет Советского Союза и лично Сталина дополнялся зримыми материальными «приобретениями»: половина Европы, занятая советскими войсками, неизбежно становилась сферой влияния Советского Союза. В этих условиях курс на то, чтобы притормозить дальнейшее развитие событий в направлении укрепления позиций Советского Союза, был в определенной мере логичен со стороны западных союзников.

Разумеется, были в этом курсе и свои нюансы, определявшиеся некоторыми особенностями позиции США и Англии, Трумэна и Черчилля. Великобритания выходила из войны ослабленная почти шестилетним участием в этом самом тяжелом в мировой истории военном конфликте. Начался процесс распада Британской колониальной империи, Англия сталкивалась с серьезными экономическими, финансовыми, политическими проблемами.

Что же касается Соединенных Штатов, то они во многом повторяли путь, пройденный ими в Первой мировой войне. США и на этот раз резко укрепили в результате Второй мировой войны свои военные, экономические, финансовые, политические позиции. Уничтожение Германии и Японии — основных конкурентов США неизмеримо усилило американские геополитические позиции. Соединенные Штаты стали державой номер один всего капиталистического мира. Помимо этого быстро приближалось завершение работ над атомной бомбой. С монопольным обладанием этим «сверхоружием» в Вашингтоне связывали большие надежды на укрепление геополитических позиций США.

Таковы были главные объективные причины усложнения к концу войны советско-американских межгосударственных отношений. Американцы — большие реалисты во всем, в том числе и во внешней политике. Руководители США были глубоко убеждены, что Советский Союз, в первую очередь лично Сталин, должен сделать необходимые выводы из стремительного роста силы и влияния США

на международной арене. Иной точки зрения придерживался Сталин. Как было показано выше, даже в критические для СССР периоды Великой Отечественной войны он твердо и умело отстаивал советские государственные интересы в отношениях с Черчиллем и Рузвельтом. К концу войны коса нашла на камень: на волне мощных успехов Красной Армии, освободившей половину Европы, оккупированной Германией, Сталин чувствовал себя, и не без оснований, военно-политическим триумфатором. И он ни в коей мере не собирался сдавать ни Трумэну, ни Черчиллю позиций, завоеванных на международной арене ценой таких огромных потерь, которые понес в войне с Германией Советский Союз.

Именно по этому сценарию развивались события в конце войны, что в конечном счете привело к тому, что почти на столетия мир погрузился в пучину холодной войны, которая заморозила отношения между СССР и западными странами во всех сферах — экономике, политике, дипломатии, в культурных и научных связях.

Негативную роль на завершающем этапе войны играл фактор чисто субъективного характера — смерть Рузвельта. Черчилль был прав, когда писал в мемуарах, что президент скончался в самый кульминационный момент войны, когда его авторитет был крайне необходим для решения многочисленных спорных проблем в межсоюзнических отношениях.

Ни в коей мере не идеализируя политику Рузвельта в отношении СССР, лично Сталина, необходимо констатировать, что между Рузвельтом и советским руководителем было несравненно большее взаимопонимание, чем между Черчиллем и Сталиным.

Элемент взаимопонимания между Рузвельтом и советским руководителем, безусловно, позитивно влиял на развитие отношений между США и СССР. И естественно, что после воцарения в Белом доме Трумэна с его консервативными традициями в отношении Советского Союза и лично Сталина в советско-американских отношениях появились новые сложности, которые оказали свое воздействие и на контакты СССР с другими союзными странами.

Опыт мировой истории свидетельствует о том, что если какая-либо страна усиливает свои позиции в рамках военно-политического блока, она может дополнительно получить большие военно-политические, экономические и прочие дивиденды, осуществляя функции посредника в рамках такого блока.

Это хорошо понимал Рузвельт. По свидетельству его сына Эллиота, встретившись после Тегеранской конференции с сыном, президент говорил ему о серьезной опасности возникновения англо-американского альянса, направленного против России. «Важней-

шая задача, — подчеркивал президент, — заключается в том, чтобы ясно заявить Сталину, что Соединенные Штаты и Великобритания не намереваются создавать блок, направленный против Советского Союза». Впереди еще были тяжелейшие бои с Германией и Японией, но Рузвельт уже прозорливо смотрел в будущее и предупреждал: «Единственное, что может серьезно усложнить обстановку после войны, — это новый раскол мира, Россия — против Англии и нас». Понимая реальную угрозу подобного развития событий, президент говорил: «Наша главная забота сейчас, а также и завтра — доказать, что мы продолжаем действовать как посредник между Россией и Англией». В такой политике Рузвельт видел огромный выигрыш для США: «Ясно, что, поступая таким образом, Соединенные Штаты становятся мировым лидером»⁴².

Во многом именно такую позицию занимал Рузвельт и на Тегеранской, и на Крымской конференции.

Огромные негативные последствия раскола Большой тройки прекрасно понимал и Черчилль. Однако его резко отрицательное отношение к усилению позиций Советского Союза брало верх над боязнью последствий развала антигитлеровской коалиции.

Опасения Черчилля в отношении роста авторитета и влияния Советского Союза и лично Сталина по мере приближения окончания войны разделяли многие консервативно настроенные англичане и американцы, что оказывало свое воздействие и на настроение общественности этих стран.

Черчиллю, как и Рузвельту, была очевидна опасность для дела мира раскола между Советским Союзом и его англо-американскими союзниками, обострения отношений в рамках Большой тройки. Выступая в палате общин после возвращения с Крымской конференции, он говорил, что «судьба человечества была бы мрачной в случае возникновения какого-либо ужасного раскола между западными демократиями и... Советским Союзом...»⁴³

Обостряя отношения с СССР, Черчилль играл с огнем, рискуя взорвать всю антигитлеровскую коалицию. Он беспрерывно плел паутину политических интриг.

Премьер-министр Великобритании делал все возможное, чтобы помешать реализации освободительной миссии Красной Армии в Центральной и Восточной Европе. В принципе он был не против того, чтобы советские войска разгромили в этих странах вооруженные силы Германии, что требовало немалых жертв (известно, что только в боях за освобождение Польши погибло 600 тыс. советских солдат и офицеров). По мнению Черчилля, на этом освободительная миссия Красной Армии заканчивалась, а вопрос о характере

политического режима в освобожденных странах должны были решать, «западные демократии», в первую очередь Великобритания.

Черчилль, считавший себя выдающимся военачальником, скептически относился к политическим потенциям генералитета и, рассматривая войны как сугубо политическое явление, заявлял: «Война — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам»⁴⁴.

Однако на завершающем этапе войны британский премьер-министр, застоявшийся в трехгодичной подготовке к открытию второго фронта, развил бурную деятельность, чтобы продвинуть англо-американские позиции как можно дальше на Восток. Черчилль уже тогда вступил на тропу холодной войны. Стремясь опередить советские армии в борьбе за «жизненное пространство» в Европе, он пытался обеспечить как можно более выгодные стратегические рубежи для успешного ведения с Советским Союзом холодной войны, общепризнанным духовным отцом которой он по праву повсеместно признается. Этот политический курс Черчилля сталкивал его со Сталиным на всех военно-политических перекрестках Второй мировой войны.

Составной частью этой стратегии Черчилля явился и его мощный нажим на Эйзенхауэра с требованием, чтобы не советские, а англо-американские войска брали Берлин. Попытался Черчилль добиться и того, чтобы не советские, а американские войска пришли на помощь восставшей Праге. 30 апреля 1945 г. он обращался к президенту Трумэну: «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение Вашими войсками Праги и как можно большей части территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение Чехословакии и вполне может к тому же повлиять на соседние страны. С другой стороны, если западные союзники не будут играть важную роль в освобождении Чехословакии, эту страну постигнет участь Югославии»⁴⁵.

Сталин был не только государственным и политическим руководителем СССР, но и Главнокомандующим советскими вооруженными силами, и, пытаясь убедить Трумэна в необходимости для американских войск взять Прагу, Черчилль породил еще один персональный конфликт с советским руководителем.

После смерти Рузвельта и прихода в Белый дом Гарри Трумэна стратегическая направленность политики США в антигитлеровской коалиции резко меняется. Четкие очертания принимает курс на блокирование Соединенных Штатов с Англией на антисоветской основе. Этот курс автоматически менял расстановку сил и внутри Большой тройки. Трумэн и Черчилль все более блокируются, выступая против Сталина по всем важнейшим военным и политическим проблемам Второй мировой войны.

Сталин не относился к числу тех умеренных лидеров, которые в подобной обстановке пытаются найти какие-то компромиссные пути выхода из политических тупиков. Следствием курса Трумэна — Черчилля и ответной реакции Сталина становилось все более быстрое развитие центробежных сил внутри Большой тройки.

Политические игры на высшем правительственном уровне не очень четко улавливались внизу, в широких кругах союзных стран. Советский политический курс в Польше, Румынии, Болгарии и в других странах Восточной и Центральной Европы, резко критиковавшийся средствами массовой информации США и Англии, как мы видели, настраивал значительную часть общественности этих стран против Советского Союза. Однако СССР и лично Сталин все же оставались для простых граждан стран антигитлеровской коалиции их союзником по борьбе с Германией.

Еще срабатывала сила политической и морально-психологической инерции. Более трех лет СССР был военно-политическим союзником стран антигитлеровской коалиции. Народы этих стран сражались с общим противником, имели общие государственные и национальные интересы. И Черчилль, и Рузвельт часто и очень убедительно заверяли своих сограждан, сколь велика роль Сталина в совместной борьбе Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции. В кратчайшие сроки предать все это забвению практически было невозможно. И это нашло свое отражение в позиции общественности союзных стран, которая все еще видела в СССР главного союзника в борьбе с общим врагом.

Необходимо также учитывать, что с разгромом Германии война не заканчивалась. Основной фронт против Японии держали Соединенные Штаты, и для широких кругов американцев была важна позиция Советского Союза в этом вопросе, его вступление в войну с Японией.

В не меньшей степени в этом была заинтересована и Англия, имевшая большие колониальные интересы на Тихом океане. И не случайно Черчилль проявлял столь большой интерес к заявлениям Сталина в Тегеране и Ялте, что после разгрома Германии Советский Союз вступит в войну с Японией.

В конце войны английская и американская печать живо обсуждала перспективы вступления СССР в войну на Дальнем Востоке.

6 апреля 1945 г. канзасская газета отмечала в редакционной статье: «В действительности разрыв России с Японией будет незначительной помощью для США», если Соединенные Штаты «не смогут использовать базы в Сибири».

Газета делала прогноз о неизбежности войны между Японией и Россией. «Русские и японские интересы, — говорилось в статье, — давно сталкиваются на Дальнем Востоке. Трудно поверить в то, что Россия согласится на военное урегулирование (на Дальнем Востоке. — *Р.И.*) без ее участия. Оно будет основано на активном подключении России к военным действиям»⁴⁶.

Смена лидера в США сказалась на работе Учредительной конференции Объединенных Наций, открывшейся 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско. Прошло всего две недели после кончины Рузвельта, и уже стало ясно, что новый кормчий на американском политическом корабле резко сменил курс. С самого начала работы Конференции в Сан-Франциско стало очевидно, что американская сторона поставила под сомнение крымские договоренности и по ООН, и по важнейшим военно-политическим проблемам, обсуждавшимся в Крыму и получившим одобрение Большой тройки. Американская пресса констатировала: «Уже первые инициативы, проявленные на этой Конференции, показали опасность личной дипломатии... Решения Большой тройки (в Крыму. — *Р.И.*) звучали убедительно, но они имели и свои слабые места, в частности, если один из участников их (принятия. — *Р.И.*) неожиданно умирал»⁴⁷.

Смерть Рузвельта еще раз со всей убедительностью показала большую роль личности в решении мировых проблем на крутых поворотах истории. Причем совсем не обязательно, чтобы это был руководитель типа Сталина и в таком государстве с авторитарными тенденциями управления, как Советский Союз.

Рузвельт был, бесспорно, демократически ориентированным государственным деятелем. Соединенные Штаты, безусловно, страна с устоявшимися демократическими традициями. И тем не менее потребовалась кончина президента Рузвельта, чтобы общественность полностью оценила, сколь важное значение имеет вопрос о том, кто и как руководит государством. Причем это относится как к вопросам внешней, так и внутренней политики.

Весь ход работы Конференции в Сан-Франциско убедительно свидетельствовал о том, что к концу войны Советский Союз стал мощной военно-политической реальностью, с которой нельзя было не считаться.

Уолтер Дюранти, в течение многих лет аккредитованный в Советском Союзе, опубликовал статью, напечатанную 1 мая 1945 г. многими газетами США. Автор писал: «Позиция русских на Конференции в Сан-Франциско в большей мере понятна, чем это обычно представляется. У России две главные цели. В первую очередь, и

особенно — они стремятся показать, сделать это известным и всем понятным, что Россия — первоклассная держава... великая держава, обладающая огромной силой мирового масштаба, и будет таковой в будущем. Во-вторых, они хотят, чтобы их поняли в том, что Россия стремится, более того, жаждет сотрудничать (с западными странами. — *Р.И.*) в будущем мире»⁴⁸.

Автор очень реалистично смотрел на перспективу раздела сфер влияния между СССР и его главными партнерами по антифашистской коалиции в Европе. «Нравится вам это или нет, — говорилось в статье, — Россия будет доминирующей силой в Восточной и Юго-Восточной Европе. В Польше, Румынии, Чехословакии, Венгрии, Австрии, Югославии и Болгарии будут правительства, одобренные Россией. В какой-то мере они будут “марионеточными”, но эти государства не войдут в состав Советского Союза»⁴⁹.

На Конференции в Сан-Франциско, при решении других важных проблем после смерти Рузвельта Сталин оказался в рамках Большой тройки если не изолированным своими партнерами, то в несравненно более сложном положении, чем то, когда США представлял в этом тройственном союзе президент Рузвельт.

И как показывает политическая и дипломатическая история последних недель войны, и в этой сложной обстановке советский лидер держался очень уверенно, решительно и эффективно отстаивал государственные интересы СССР.

Заканчивалась война в Европе. Подводя итоги функционирования антигитлеровской коалиции, Большой тройки, Уолтер Липпман приходил к выводу: «Имели место непонимание, трения, компромиссы. Но, пожалуй, нет в истории примера того, чтобы успешно функционировала коалиция такого огромного масштаба и в которой было бы столько сложных и не поддающихся контролю элементов. Именно в этом кроется надежда человечества, что мы сможем добиться и мира, основанного на согласии».

Необходимость продолжения сотрудничества Большой тройки после окончания войны была очевидна. Как считал Липпман, «или мы работаем вместе с Россией, а она с нами в интересах сохранения мира, или же будет новая война».

Встреча советской и американской армий на Эльбе 25 апреля 1945 г. явилась как бы апофеозом боевого сотрудничества антигитлеровской коалиции. Символичным было то, что, по случайному стечению обстоятельств, в этот же день в Сан-Франциско начала свою работу Учредительная конференция Организации Объединенных Наций. Артиллерийские залпы на Эльбе прозвучали как салют нациям-победительницам.

И трудно было поверить в те радостные и торжественные дни, что арьергардные сражения Второй мировой войны в Европе фактически без какой-либо паузы перерастут в авангардные бои холодной войны, которая бросила свою мрачную тень на столетия всемирной истории.

Политические баталии, развертывавшиеся в Крыму и после завершения Крымской конференции, нашли свое полное отражение в мировой печати. В этих комментариях центральное внимание уделялось Сталину, пропорционально той роли, которую он играл на встрече Большой тройки.

Бельгийский еженедельный журнал буржуазно-либеральной ориентации, по сообщению из Брюсселя от 16 февраля 1945 г., опубликовал статью, посвященную Сталину.

В статье говорилось о том, что советское наступление создает СССР небывалый престиж, и в то время, как Черчилль и Рузвельт должны считаться с непостоянным и неоднородным общественным мнением своих стран, «Сталин кажется воплощением своего народа. Этот защитник демократии является наиболее явным диктатором. И по той извилистой дороге международной политики, по которой его партнеры ходят как будто на ощупь, будучи вынуждены считаться со всякого рода обстоятельствами, он идет невозмутимо своим собственным путем-дорожкой. Но к какой цели?»

Перечислив военные и экономические успехи Советского Союза, достигнутые за годы войны, автор писал: «И все это, бесспорно, было делом одного человека. Какого человека?» Далее в статье приводилась характеристика Сталина, «таинственного и загадочного». Журнал считал Сталина «хитрым и упорно скрытным» и добавлял: «Кажется, что никто вокруг него никогда не знал в действительности, что он думает о людях, об идеях, о событиях. Последние явно представляют собой для него лишь пешки на шахматной доске. Если они стесняют его, он их уничтожает».

Журнал заявлял о «необычайных процессах, позволивших Сталину избавиться от старых большевиков, ставших соперниками», и подчеркивал, что «Сталин не поколебался практиковать в широких масштабах тактику выжженной земли, когда нужно было отразить немецкое вторжение. Что значит для него жизнь нескольких миллионов русских и немцев?»

Определяя политический курс Сталина, автор отмечал, что «кажется все более и более ясным, что он сдал идею всемирной большевистской революции на склад мертвых иллюзий».

В статье ставился вопрос: что же руководит им — огромное личное честолюбие, желание ли воссесть в Кремле на трон Ивана

Грозного, надеть сапоги и взять кнут Петра Великого, этого грубого гения, который основал Европейскую Россию? Возможно! Он стал маршалом и любит красивый мундир, строгую военную иерархию и установил суворовский порядок. «Но в своей политике, как внутренней, так и международной, он показывает теперь себя настолько же мудрым, умеренным и либеральным, насколько некогда он был непримиримым. Он хочет называться отцом русского народа и щадит побежденных румын, венгров, болгар с поразительным великодушием».

Автор призывал не обольщаться демократизмом Сталина: «Он представляется, как великий творец порядка и дисциплины. Более того, он занимает место рядом с постоянными защитниками человеческих свобод. Неправда ли, что это — самый большой парадокс истории? Но не будем заблуждаться, — сталинский порядок, который водворяется отныне во всей Восточной Европе, является все же коммунистическим порядком».

Признавая большой личный вклад Сталина в приближающийся разгром фашистской Германии, автор высказывал тревогу по поводу будущего политического курса советского руководителя: «Для буржуазии Запада, для наших братьев этот победитель, которому мы выражаем все наше восхищение и всю нашу признательность, вызывает у нас все же некоторую тревогу»⁵⁰.

Приведенная публикация очень характерна. В целом антисоветская, антисталинская по своей форме и содержанию, она свидетельствовала об огромном авторитете Советского Союза в конце войны как страны, внесшей решающий вклад в разгром фашизма, угрожавшего самому существованию цивилизованного мира.

Характерна была и оценка Сталина. В статье сквозил неприкрытый страх по поводу того, какова будет его политика в странах, освобождаемых Красной Армией. Вместе с тем, порицая диктаторский стиль руководства Сталина, газета признавала его исключительную компетентность как государственного, политического и военного руководителя.

Такие оценки Сталина были характерны в конце войны для многих печатных органов Запада, даже тех, которые придерживались четко выраженной антисоветской политической ориентации.

К вопросу о роли Сталина в мировой политике обращались газеты и журналы различной политической ориентации. И когда их публикации имели особенно ярко выраженный антисталинский характер, руководство ТАСС, направляя такие публикации Сталину и другим советским руководителям, давал политическую характеристику этим печатным органам. Чем больше критики было в ад-

рес Сталина, тем в большей степени отмечалась реакционность соответствующей газеты или журнала.

Так, 16 февраля 1945 г. ТАСС сообщал, что еженедельная газета «ВРЭ», известная своей реакционной и антисоветской позицией и имеющая в качестве сотрудников ряд лиц, настроенных профашистски, поместила на первой странице статью под заголовком «Медведь превращается в лисицу». В этой статье, после многих клеветнических измышлений и грубостей по адресу товарища Сталина, газета пишет: «Прочно укрепившись у власти, преемник Ленина совершил крутой поворот в политике СССР. В его глазах эра перманентной революции окончательно завершена... Сталин убедился в невозможности осуществить в России или в другом месте полный коммунизм. С тех пор он ориентируется на стабильное и сильное правительство, на более или менее открытую диктатуру. Он воодушевил прежнюю Красную Армию новыми чувствами, предлагая ей, как лозунг, уже не интернационал, а русский империализм».

Автор останавливался на советско-германском пакте 1939 г., на том, что Россия «бросается на добычу (на Польшу. — Р.И.)», вторгается в Финляндию, и в заключение заявлял: «22 июня 1941 года Гитлер бросился сломя голову в западню, поставленную перед ним. Маршал Сталин уже не выпустил его из своих рук. Кремлевский владыка по крайней мере по одному разу мастерски обманул Францию, Англию, Польшу, Финляндию, Германию. За кем очередь?»⁵¹

Вывод напрашивался сам собой: «Западные демократии» должны ждать новых агрессивных акций от Сталина, и им необходимо принять соответствующие страховочные меры по отношению к своему союзнику.

Польский вопрос занимал первостепенное место в дебатах между Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом на Крымской конференции. И естественно, что после ее окончания печать союзных стран не могла обойти своим вниманием эту спорную проблему, разделявшую Большую тройку.

Американский журнал «Ньюс уик», не скрывавший своих симпатий к лондонским полякам, опубликовал со ссылкой на эмигрантские польские круги в Англии информацию о том, что 26 февраля 1945 г. бывший польский посол в Москве Ромер имел беседу со Сталиным и Молотовым.

В беседе были подняты вопросы, касавшиеся расстрела в Катыни восьми тысяч польских офицеров, высылке в отдаленные районы Советского Союза 1 млн поляков, о гражданстве поляков, оказавшихся на советской территории, о границах Польши.

В статье говорилось, что Сталин заявил своему собеседнику, что «ни одно советское правительство не пойдет на то, чтобы нарушить какую-либо статью нашей Конституции. А присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к Советскому Союзу было включено в Конституцию.

Ромер возразил на это: «С другой стороны, вы не найдете ни одного поляка, который будет отрицать, что Вильно и Львов являются польскими. Я сам заявляю об этом в вашем присутствии с полнейшим убеждением»⁵².

Сталин возразил своему оппоненту; «Я понимаю вашу точку зрения. Мы также имеем свою. Мы квиты...»

Журнал помещал статью под выразительным заголовком «Поляки считают, что со Сталиным трудно иметь дело».

Польская проблема использовалась в антисоветских, антисталинских целях и после капитуляции Германии.

ТАСС сообщал из Лондона, что 30 мая 1945 г. выходящая во Франции на польском языке газета «Мы вернемся» («Вороцимы») в номере за 27 мая поместила семь резко антисоветских статей. В информации ТАСС говорилось: «Некоторые статьи прямо направлены против личности маршала Сталина. В статье, озаглавленной “Красный царь”, говорится: “Сталин является более опасным, чем Гитлер, который был лишь примитивным фанатиком, тогда как политическую хитрость Сталина... можно даже назвать цинизмом”. Другая статья заканчивалась следующими словами: “Следовательно, можно безошибочно сказать, что будь Сталин французом, бельгийцем или итальянцем, то он окончил бы свою жизнь в результате вполне заслуженного смертного приговора”»⁵³.

Столь резко негативная оценка Сталина была показательна. Не прошло и трех недель после Дня Победы, и вместо восхваления Сталина как великого государственного, политического, военного деятеля, столь обычного в условиях триумфального шествия Красной Армии по военным дорогам Европы, зазвучали фактически призывы судить его как военного преступника.

Это была знаменательная политическая метаморфоза, свидетельствующая о том, что по существу без какой-либо паузы мир вступал прямо из Второй мировой войны в войну холодную.

В прессе зарубежных стран живо обсуждался не только вопрос о границах Польши, в частности с Советским Союзом, но и другие изменения советских границ, вызванные войной.

Утверждениям антисоветской прессы союзных стран о незаконности вхождения Закарпатской Украины в состав СССР Москва противопоставляла решения многочисленных собраний жителей этих регионов.

На всех без исключения массовых собраниях: при выборах национальных комитетов, на профсоюзных, учительских, женских, молодежных, — всюду принимались решения с требованиями присоединения к Советской Украине. Первыми выступили трудящиеся городов Ужгорода и Мукачева. 12 ноября 1944 г. по инициативе местных организаций в Ужгороде было проведено общегородское собрание с участием более 1200 человек. Собрание избрало городской национальный комитет и обратилось с петицией на имя Сталина, в которой жители Ужгорода писали:

«Родной отец наш, Иосиф Виссарионович!

Высказывая Вам свою безграничную преданность и горячую любовь сынов и дочерей всего нашего народа, мы как крик души его, как самое жгучее и непоколебимое желание, шлем Вам просьбу принять нас в Вашу семью как единокровных братьев украинского и русского народов.

От всего сердца, из самых глубин души многострадального народа нашего просим Вас, помогите... воссоединиться с родной Советской Украиной, ибо только в ее составе мы можем найти все условия нашего духовного и материального процветания.

Поверните нас, обездоленных детей, в лоно нашей матери Советской Украины!»

Петиция на имя Сталина была обсуждена и единодушно принята на многочисленных собраниях в городах и селах Закарпатской Украины. Движение различных слоев населения за воссоединение с Советской Украиной распространилось по всей территории Закарпатской Украины⁵⁴.

26 ноября 1944 г. съезд Национальных комитетов Закарпатской Украины принял манифест о воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной.

В адрес съезда были направлены многочисленные письма, петиции, обращения граждан Закарпатской Украины. Содержание и форма таких обращений была характерна.

В качестве типичного примера многих опубликованных писем могло служить письмо женщин села Ташнад, напечатанное 23 ноября 1944 г. в газете «Закарпатская Украина». В этом письме говорилось:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Помогите нам, мы не хотим жить ни с мадьярами, ни с чехами, мы хотим жить вместе со своим народом, мы хотим, чтобы Красная Армия не уходила и наша родина — Закарпатская Украина была присоединена к Советской Украине. Мы знаем, что этого хотят все женщины нашего украинского края, что лежит за Карпатскими горами. Неправильно, что мы не с Вами. Мы не хотим

больше быть сиротами, тошно жить у чужих, злых людей в мадьярском доме, сиротно нам у мачехи — в Чехословацком государстве, не наше оно, не могли и не хотят они нам дать то, что даст родина-мать — Советская Украина.

Примите нас, товарищ Сталин, в свою семью!»⁵⁵

По мере обострения отношений между СССР и его союзниками, между членами Большой тройки нового состава за рубежом появлялось все больше публикаций, в которых критические стрелы были направлены лично против Сталина.

В частности, с иронией, если не с сарказмом, говорилось о том, что Сталина в Советском Союзе превратили в настоящее божество.

Примером таких публикаций могла служить статья в итальянской газете «Пополо», опубликованная 7 июля 1945 г. Автор высмеивал лирический пассаж о Сталине, который появился в «Известиях». «Пополо», перевирая цитаты, утверждала, что в «Известиях» было написано следующее: «Десятки миллионов советских граждан возносят восторги боготворимому отцу и учителю... Он — наша свобода и наше блаженство... Нет большего блаженства, чем жить для большевизма под руководством Сталина».

«Пополо» писала, что эти «пассажи» напоминают «хор религиозных почестей и восторгов», которые выносились по адресу русского царя⁵⁶.

Необходимость новой встречи Большой тройки в обновленном составе была очевидна и для Сталина, и для Трумэна, и для Черчилля. Встреча была нужна, чтобы в первую очередь решить сложный комплекс проблем, возникших после капитуляции Германии.

27 мая 1945 г. Сталин предложил, чтобы Большая тройка встретилась в Берлине. Черчилль был заинтересован в более ранней дате начала работы Конференции руководителей трех держав, так как в Англии готовили выборы и премьер-министр хотел бы завершить встречу до их окончания. Однако Трумэна устраивала середина июля, и Черчиллю пришлось согласиться с этими сроками.

Конференция проходила в пригороде Берлина, в Потсдаме, с 17 июля по 2 августа 1945 г.

Черчилль, как и накануне Крымской конференции, предложил США предварительно организовать англо-американскую встречу на высшем уровне, чтобы согласовать позиции англичан и американцев по важнейшим вопросам, которые предстояло обсудить на Конференции. Трумэн отклонил это предложение, не без оснований посчитав, что надо не допускать со стороны Сталина «подозрений в “сговоре”». Эта позиция Трумэна вызвала резкое раздражение Черчилля, которое он не мог скрыть и спустя много лет в своих мемуарах⁵⁷.

18 июля Сталин и Черчилль встретились в узком кругу на обеде, с участием только переводчиков. Трапеза была длительной, обед продолжался с половины девятого вечера до половины второго ночи, несмотря на то что Сталин, вспоминая Черчилль, «казался физически несколько подавленным»⁵⁸.

О плохом самочувствии Сталина во время Конференции информировала и пресса. Так, 31 июля корреспондент агентства Рейтер в Потсдаме Генри Бакли сообщал, что «генералиссимус Иосиф Сталин, оправившись от своего недомогания, принял участие в пленарном заседании, состоявшемся в этот день. Заседание продолжалось 3,5 часа»⁵⁹.

О плохом самочувствии Сталина на Потсдамской конференции пишут многие исследователи. Так, английский историк отмечал: «Сталин не присутствовал на встречах, которые были во время двух последних дней работы Конференции. Сообщали, что он простужен... Однако на основании его истории болезни более вероятно, что у него в это время был периодически повторявшийся приступ болезни сердца»⁶⁰.

Сталин выразил Черчиллю в ходе работы Потсдамской конференции твердую уверенность, что на предстоящих выборах он одержит убедительную победу большинством почти в 80 процентов. Прогноз оказался никудышным, Черчилль потерпел на выборах поражение, и 28 июля его заменил на Конференции новый премьер-министр Великобритании К. Эттли.

Это случится через десять дней, а на обеде 18 июля Сталин и Черчилль обсуждали самый широкий круг проблем. Сталин поставил вопрос о необходимости расширить права Советского Союза на использование черноморских проливов. Он не считал нужным скрывать от Черчилля, что СССР хочет получить Карс и Ардаган, которые были отторгнуты Турцией у России в результате Первой мировой войны.

Это требование Советского Союза, сформулированное Сталиным, поддерживали армянские организации многих стран. Так, например, ТАСС сообщал из Нью-Йорка 19 июля 1945 г., что лидеры прогрессивного «Армянского национального совета в Америке» опубликовали в печати заявление о том, что они обратились в Потсдам к Трумэну, Сталину и Черчиллю с предложением вернуть армянские провинции, входящие в состав Турции, их единственному законному представителю — Советской Армении.

Сославшись на турецкие набеги и избиение турками армянского населения в прошлые столетия, авторы этого обращения констатировали: «К счастью, в одной части Армении, которая входила

в состав России до Первой мировой войны, создана независимая армянская республика как составная часть Советского Союза. На протяжении 25 лет своего существования Советская Армения развивалась гигантскими шагами и дала армянам безопасность, которой не существовало в прошлой армянской истории».

Во время Второй мировой войны, говорилось в заявлении, армяне вновь продемонстрировали любовь к свободе и отважно сражались в армиях союзных наций, особенно в войсках Соединенных Штатов и Советского Союза.

Между тем турки проводили свою традиционную двуликую политику. Под покровом нейтралитета они помогали нацистам и восхищались первоначальными успехами Германии. Турция была готова открыто вступить в войну на стороне Германии, если бы нацисты захватили Сталинград. Тем временем Турция наметила новые способы экспроприировать и угнетать небольшое армянское население в этой стране. Объявление Турцией войны Германии в самую последнюю минуту представляло жалкий фарс. В течение веков турки причиняли армянам страдания. В настоящее время вне пределов Армении и других частей Советского Союза проживает 1,5 млн армян. Подавляющая часть этих армян желает вернуться на землю своих праотцев и принять участие в ее перестройке.

Американцы армянского происхождения, отмечалось в заявлении, настоятельно просят Конференцию в Потсдаме поставить вопрос об армянской проблеме в повестку дня для того, чтобы могло быть гарантировано справедливое поселение армян, желающих вновь жить в своем историческом отечестве — Советской Армении⁶¹.

«Нью-Йорк таймс» 11 июля 1945 г. опубликовала из Лос-Анджелеса пространное письмо хорошо известного армянского писателя Сурмеляна, который предлагал вернуть Карс и Ардаган СССР, так как эти города по праву принадлежат Советскому Союзу, кроме того, они «являются важными для защиты Кавказа»⁶².

На обеде Сталина с Черчиллем 18 июля обсуждался в предварительном порядке ряд вопросов, которые позднее были вынесены на пленарные заседания. Черчилль заявил, что он всемерно поддерживает выход России в океаны, раздел германского флота между союзниками. Сталин заверял премьер-министра, что не будет «советизации какой бы то ни было из восточноевропейских стран», освобожденных Красной Армией⁶³. Два лидера обсудили югославскую проблему. Сталин решительно потребовал, чтобы Англия и США прекратили вмешательство в дела Румынии и Болгарии. Советский руководитель объяснял свое требование тем, что он «не вмешивается в греческие дела»⁶⁴.

Журналисты обратили внимание на то, что даже по советским масштабам Сталина очень тщательно охраняли. Турецкое радио передавало: «Во время пребывания Сталина на Потсдамской конференции были приняты чрезвычайные меры по его охране. Исключая встречи с членами делегаций — участниц Конференции, Сталин во время своего пребывания в Берлине имел беседы всего с шестью лицами».

В передаче говорилось, что за 10 минут до начала Конференции, когда Сталин проезжал на автомобиле, запрещалось смотреть из окон дворца Цецилиенхоф, где проходили заседания. Перед каждой встречей Большой тройки зал заседаний тщательно осматривался русскими, английскими и американскими офицерами охраны. Сталина всегда окружала военная охрана во дворце Цецилиенхоф. Коридоры и сад дворца были полны офицерами и солдатами охраны. Во время следования Сталина от здания, где он жил, до дворца, где происходили заседания Конференции, находились патрули⁶⁵.

Корреспондент агентства Юнайтед Пресс сообщал, что поведение Трумэна на Конференции отличалось простотой в сравнении с церемонным поведением советской и английской делегаций. Например, когда Черчилль вечером пригласил Сталина и Трумэна к обеду, Сталин прибыл в сопровождении около 50 солдат, которые ехали на быстроходных автомобилях, в то время как Трумэн дошел пешком до виллы, занимаемой Черчиллем, в сопровождении Бирнса, адмирала Леги и двух или трех представителей охраны⁶⁶.

К моменту начала работы Потсдамской конференции в США прошло первое успешное испытание атомной бомбы. Трумэн и Черчилль решили выжать максимум политического эффекта из этого события, попытаться шантажировать Сталина. Президент и премьер-министр в деталях обсуждали вопрос, как лучше сообщить Сталину эту новость, чтобы произвести на него большее впечатление.

Было решено, что Трумэн сообщит Сталину о взрыве атомной бомбы после одного из официальных заседаний. Черчилль вспоминал, что, когда Трумэн подошел к Сталину, он занял место рядом с ними, чтобы слышать разговор президента и генералиссимуса. Трумэн сообщил Сталину о взрыве атомной бомбы. «Казалось, — писал Черчилль, — что он (Сталин. — *Р.И.*) был в восторге. Новая бомба! Исключительной силы! И может быть, будет иметь решающее значение для всей войны с Японией! Какая удача!»

Черчилль был твердо убежден, что Сталин ничего толком не понял из информации президента: «...Я был уверен, что он (Сталин. — *Р.И.*) не представляет всего значения того, о чем ему рассказывали... Если бы он имел хоть малейшее представление о той

революции в международных делах, которая совершалась, то это сразу было бы заметно»⁶⁷.

Сталин был прекрасным актером. К моменту, когда произошел этот разговор, уже шло выполнение советской программы по созданию атомной бомбы (союзники не посчитали нужным сообщить Советскому Союзу о своих работах над атомной бомбой). И конечно, Сталин был в деталях проинформирован о том, что такое атомное оружие.

В общем, Трумэн и Черчилль не сумели произвести какого-либо морально-психологического эффекта на Сталина. Очевидно, его реакция на информацию президента была своеобразной дезинформацией. Он создавал впечатление у англо-американской стороны, что Советский Союз не имеет никакого представления об атомной бомбе и не предпринимает никаких усилий по ее созданию. И не случайно с начала Потсдамской конференции началась политика атомного шантажа Советского Союза.

2 августа 1945 г., в день закрытия Потсдамской конференции, ТАСС сообщал из Нью-Йорка, что «Нью-Йорк таймс» писала: «В Потсдам Сталин прибыл для того, чтобы, воспользовавшись затруднительным положением Америки, связанной войной с Японией, путем запугивания, шантажа и вымогательства заполучить санкцию великих демократических держав на грандиозный грабеж и насилия в Восточной Европе и на Балканах»⁶⁸.

Если принять во внимание спектакль, разыгранный Трумэном и Черчиллем с вопросом об атомной бомбе, то надо признать, что не Сталин, а его партнеры по Большой тройке пытались шантажировать советского руководителя.

Черчилль писал, что и он, и Трумэн после создания атомной бомбы пришли к выводу, что Япония капитулирует, и, следовательно, нет необходимости в участии Советского Союза в войне на Дальнем Востоке. Оба лидера считали, что достаточно того, что Красная Армия прорвалась к центру Европы. Нет необходимости давать русским возможность серьезно расширить и укрепить свои позиции и на Дальнем Востоке.

Однако решение об участии Советского Союза в войне с Японией уже было принято в Ялте, шла форсированная переброска советских вооруженных сил на Дальний Восток.

Воинская часть, в которой я служил в те дни, находилась в районе города Куйбышевка-Восточная на Дальнем Востоке. В один из июльских дней 1945 г. я был в наряде на железнодорожной станции Куйбышевка-Восточная и оставил в своем дневнике запись, что за сутки через город прошло с Запада 24 эшелона с солдатами

и военной техникой. Полным темпом шла подготовка к вступлению СССР в войну с Японией, и этот процесс не мог остановить ни Трумэн, ни Черчилль.

По ходу дебатов в Потсдаме было ясно, что если еще несколько месяцев назад англичане и американцы всемерно выступали за участие Советского Союза в войне с Японией и опасались, что Сталин откажется от этого, то теперь их отношение к этой проблеме коренным образом изменилось.

Сталин своего решения о вступлении в войну с Японией менять не собирался. И, очевидно, почувствовав перемену в настроении Трумэна и Черчилля, он не случайно на заключительном банкете 23 июля «предложил провести нашу следующую встречу в Токио». Генералиссимус не делал никакого секрета из того, что СССР готовится к войне с Японией. Свое предложение о встрече в Токио он внес, не дожидаясь пока официанты выйдут из банкетного зала.

По ходу работы Конференции Трумэн и Черчилль неоднократно возвращались к польской проблеме. Пресса союзных стран вновь и вновь обсуждала этот вопрос, позицию Сталина при его рассмотрении.

В трактовке Черчилля и Трумэна, в оценках прессы стран Запада Сталин выглядел как бесчестный человек, который дал согласие на предыдущих встречах Большой тройки демократично решить польскую проблему и начал грубо нарушать это соглашение сразу после того, как оно было достигнуто. Но даже Черчилль признает в мемуарах, что советский руководитель стремился занять конструктивную позицию в этом сложнейшем вопросе, раскалывавшем антигитлеровскую коалицию. Советский Союз в конце концов пошел на компромисс и дал согласие на включение в состав временного правительства Польши представителей лондонских поляков. «По предложению Трумэна, — писал Черчилль, — оно было признано 5 июля как Англией, так и Соединенными Штатами».

На Потсдамской конференции Сталин поддержал и предложение Черчилля о приглашении для участия в работе Большой тройки делегации временного польского правительства. Эта делегация во главе с премьер-министром Берутом прибыла в Потсдам и участвовала в работе Конференции.

«Потсдамская конференция, — пишет американский историк Моррей, — заслушала президента Берута из Польши, который высказался за установление западной границы Польши по рекам Одеру и Западной Нейсе... Черчилль выступил против требования Берута... Можно счесть за парадокс, что Черчилль, который добивал-

ся вступления Англии в войну с Германией из-за Польши и который выступил в Ялте в пользу «существенного прибавления» германской территории к Польше, теперь действовал в роли защитника немцев от польских претензий... Не объяснялось ли это в действительности характером польского временного правительства национального единства?»

Моррей, пишет В.Г. Трухановский, правильно понял суть позиции Черчилля. Однако английский премьер-министр не смог добиться своего — по настоянию Советского Союза Польша получила справедливые границы⁶⁹.

Сталин был в хорошем настроении в Потсдаме, и когда Трумэн предложил провести следующую встречу Большой тройки в Вашингтоне, советский руководитель в принципе не возражал и против этого. ТАСС сообщал 4 августа из Нью-Йорка, что, по данным корреспондента Юнайтед Пресс, Трумэн в Потсдаме настаивал на том, чтобы следующая Конференция лидеров союзных стран состоялась в Вашингтоне. Сталин в принципе согласился, но это будет зависеть от того, заявил он, позволят ли ему условия уехать так далеко из Москвы. Предполагается, говорилось в корреспонденции, что Эттли будет готов поехать в Вашингтон, если Сталин сделает это. Время созыва следующей Конференции руководителей трех держав пока не обсуждалось.

По словам корреспондента, Трумэн держался на Конференции достаточно уверенно, несмотря на то что раньше он не имел опыта в области внешней политики. Помимо того, что он выполнял обязанности председателя на Конференции, по предложению Сталина Трумэн во время первого заседания представил в письменном виде повестку дня, которая легла в основу переговоров на последующих заседаниях, хотя Сталин и Черчилль внесли некоторые добавления, указывал корреспондент^{70–71}.

Принимая во внимание высокий уровень противоречий, разделявших Сталина с его партнерами по Большой тройке, результаты Конференции в Потсдаме были в определенной мере обнадеживающими.

Союзники смогли добиться соглашения по вопросу об основных направлениях общей политики в отношении Германии. В Потсдаме была определена польско-германская граница по линии Одер — Западная Нейсе. Конференция подтвердила передачу Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающего к нему района. В Потсдаме было принято решение о создании Совета министров иностранных дел, на который была возложена задача подготовки мирного урегулирования с Германией и ее сателлитами. Боль-

шая тройка подтвердила свое намерение предать главных военных преступников суду международного военного трибунала.

На Конференции были рассмотрены некоторые другие вопросы международной жизни: положение в восточноевропейских странах, черноморские проливы, отношение к режиму Франко в Испании и ряд других проблем.

В ходе работы Большой тройки обозначились серьезные противоречия между ее участниками. Однако удалось найти компромиссные решения по важнейшим проблемам и создавалось впечатление, что и впредь союзники смогут идти по этому пути компромиссов и достижения взаимопонимания.

На долю Черчилля выпало устроить заключительный банкет, состоявшийся вечером 23 июля. Как показала практика встреч Большой тройки в Тегеране и в Ялте, на таких неофициальных встречах зачастую удавалось договариваться о решении самых сложных проблем.

Сталин был на этом последнем банкете в самом хорошем настроении. Черчилль вспоминал, что советский руководитель неожиданно поднялся со своего места и с меню в руках стал обходить присутствующих и собирать у многих из них автографы. «Когда он подошел ко мне, я написал свое имя по его просьбе, и мы, взглянув друг на друга, рассмеялись. Глаза Сталина светились весельем и добродушием».

Но какая же мужская дружба без выпивки. Черчилль продолжал: «...Я наполнил два небольших бокала коньяком для него и для себя. Я многозначительно взглянул на него. Мы одним духом осушили бокалы...»⁷²

Дружеские тосты, компромиссное решение сложнейших международных проблем, определенное взаимопонимание, сложившееся в рамках Большой тройки, — все как будто бы свидетельствовало о том, что и впредь союзники сумеют идти по пути компромиссов и достижения взаимопонимания по важнейшим проблемам.

Однако это была иллюзия, которая очень скоро будет развеяна ледяными ветрами холодной войны, на полстолетия погрузившей планету в пучину нового конфликта, равного которому по масштабам и последствиям история еще не знала.